

18+

Роман Родионов

Мокрый сентябрь

Роман Родионов
Мокрый сентябрь

«Издательские решения»

Родионов Р.

Мокрый сентябрь / Р. Родионов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517865-7

В один из сентябрьских холодных дней Рим и его приятель Женька узнают о существовании магических сил, что ведут ожесточенную борьбу за право на жизнь на протяжении тысячелетий. При этом перевес сил явно не на стороне Добра. Тогда же Рим узнает, что он неизлечимо болен. И он, вопреки самому себе, соглашается на путешествие в другой мир, чтобы вылечить страшную болезнь. В произведении предпринимается попытка автора поразмыслить на тему эгоизма и всего, что с ней связано.

ISBN 978-5-00-517865-7

© Родионов Р.
© Издательские решения

Содержание

Откровение	6
МОКРЫЙ СЕНТЯБРЬ	7
БЕЗДНА	7
ЧАСТЬ 1. ИСКУССТВО БЫТЬ ДРУГИМ	10
Глава 1	10
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	31
Глава 9	33
Глава 10	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Мокрый сентябрь

Роман Родионов

Дизайнер обложки Юлия Родионова

© Роман Родионов, 2020

© Юлия Родионова, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-7865-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Откровение

В моем молодом, пока что еще неокрепшем понимании писательство есть не что иное, как карабканье по металлическому шесту, смазанным машинным маслом. Я смотрю вниз и вижу, как далеко я уже продвинулся, как много слов я успел изложить. Настолько далеко, что столб этот уходит вниз, вглубь, и начала его с этой высоты не видно. Вроде бы ты делаешь небольшие подъемы вверх, отталкиваешься голыми ступнями, хватаешься за каждый сантиметр, и, в какой-то момент, теряешь хватку и путь, эти самые сантиметры. Верх этого шеста – моя цель: хорошая история, приправленная красивыми местами и пейзажами, поданная с персонажами, которые мне не безразличны.

Иногда мне кажется (мне все это кажется?), что я могу соскользнуть настолько, что просто возьму и плюну на собственное же творение. Отпущу шест, за который вцепился мертвой хваткой, да еще вдобавок оттолкнусь, и исчезну в этой мгле, упаду на дно и навсегда забуду, что мечтал о книге, погребенный в масле.

Было бы все так просто, однако! По какой причине мне кажется, что каждый более именитый писатель одет в рукавицы и сапоги, потому как имеет способность быстро сообразить, чего он желает добиться в процессе написания истории? Что идеи приходят к ним бурлящим потоком, а ко мне – мелким родничком?

С другой стороны, я смотрю еще раз вниз, а потом вскидываю голову наверх, и у меня захватывает дух. Подумать только, мало-помалу, но там, на самом верху, видно, как мир в самом конце пути растет у меня на глазах. Да, пусть мой первый мир будет неидеален, несовершенен, как и этот, но я смотрю на то, как он красив, и я его медленно создаю, делаю мазок, кладу еще один кирпич, провожу еще одну линию карандашом. Быть может, для каждого писателя собственные миры, созданные в книгах, становятся родными. И живут они в них не своим существом, этой оболочкой, но душой и разумом.

Я бы очень хотел, чтобы моя история была если не призывом к чему-либо, то возможностью разделить вместе со мной красоту тех мест, в которых живут мои герои, и переживания, которые я испытываю вместе с ними. Потому что я не хочу, действительно не хочу ненавидеть их. Ведь они – какая-то часть меня. Не имеет значение, в каком месте это можно будет проследить, однако я уверен, что это так. Может, я и не исполню большинства своих обещаний, и все же я попробую сдержать хотя бы одно из них.

Я буду идти в ногу с теми, кого создал, и путь, которым они идут, не будет напрасен.

12 сентября 2020 г.

МОКРЫЙ СЕНТЯБРЬ

БЕЗДНА

26 августа 1904 года

Кончатся мои сладкие деньки отдыха. Что ж, теперь я полон сил, и, в общем, очень доволен, так что расстраиваться из-за потраченных пятнадцати тысяч рублей я не намерен. Тем более, подходит рабочее время: сентябрь. Все равно хотел продолжить писать статьи и получать за них копейные деньги.

Ага, я вас поймал! Уже решили взмахивать руками и кричать, держа в руке кусок бумажки: «Эй, народ, смотрите! А Потап Иваныч—то совсем одряхлел и стал жутким скрягой! Считает свои собственные золотые каждый раз, как принимается за перо!»? А я скажу вам: черта с два! Не спорю, вы можете думать и делать все, что вам заблагорассудится. Да только я знаю, что я перед собой честен, насколько это возможно. Признаться, меня особо не волнует, сколько я получаю за страницу в газете. Я хорошо вижу, что людям нравится то, о чем пишу, большего мне и не нужно знать. Приятно ощущать, когда люди сталкиваются с тобой лицом к лицу, поначалу пребывая в секундном ступоре, а потом восклицают: «Постойте! Не вы ли случаем Потап Иваныч? Батюшки, да ваши истории просто потрясающие! У вас есть уже наработки для следующего номера?...». Признание, пусть оно будет мелочным и минутным, стоит дороже всяких денег.

Ну, ладно. Может быть, я и хотел, чтобы время остановилось или хотя бы шло медленнее в этом местечке, поражающем воображение. Родные скалы Скатного до того уже осточертели, боги! Да, он красив, но что же с этого! Белые цвета преследуют тебя в этих прибрежных городках повсюду. А тут... ах, если бы вы только могли видеть это! Повсюду, куда ни глянь: не остроконечные холмы – зеленые горы с зелеными шапками. Воздух здесь свеж, поднимает настроение... и абсолютно сбивает с рабочего тона. Птицы утра не щебечут: поют, и каждая песнь громче другой, и в этот шумный концерт творится изо дня в день. Здесь хочется только отдыхать, и ничего больше не делать. Думаю, я бы точно не вспомнил, о чем я хотел писать, пребывая в Зеленой чаше, если бы я не писал все в свой дневник. Не доверяю я своей памяти, как и своему сердцу, да и с чего бы? Такому старому хрычу лет пятидесяти пяти, как мне, забыть, что наутро едят завтрак, а в середине дня – обед – плевое дело.

А теперь я хочу, чтобы вы посмотрели вот на это! С балкончика санатория открывается просто великолепный вид на озеро. А теперь представьте – в это озеро тысячами мелких ручейков и потоков с гор после чередующихся дней дождей стекает вода. Местный смотритель поведал мне, что за большим озером сложилось название Рот. Каждый год уровень воды в озере то падает, то растет. Отступающая вода (говорят, она уходит вверх, в виде тумана, и делает в небе тучи) обнажает берега, которые прямо таки срываются в глубину. Не озеро – большая чаша с водой. Так вот, берега обнажаются и становятся красными, из-за растений, живущих в воде. Местные называют их десницами. Лишившись водной среды, растения теряют в цвете, бледнеют, словно уходят из жизни. Но это не так, нет! Они как будто закрываются в себе, питаются той влагой, что успели в себя вобрать, или что в земле, в которую они вросли. Так берега остаются сухими и розовыми почти месяц, пока не наступит сезон дождей, и вода не пребудет с холмов. Берега сначала сильно краснеют, вместе с водой, словно раздраженные, потом краски ослабевают. Возможно, вам трудно это представить, но провались я сейчас к дьяволу, говорю вам правду и только! Потому что мой отпуск пришелся как раз на это необычное время. Я

подходил к воде и наблюдал, как колышутся десницы. Да только это не колыхание, а, скорее, танец маленьких подводных жителей.

Чудо света, а не лечение!

Кстати, пользуясь случаем, хочу передать привет моей близкой знакомой Алене. Спасибо, что рассказала мне об этом месте! Целую, обнимаю. Ты не ошиблась в том, что в этом уголке мира поселилась магия.

Однако знаете еще что? Это не последняя интересная вещь, которую я застал, будучи в санатории, этом миленьком местечке на тридцать мест.

Как-то в один из утренних дней (это было в прошедший понедельник) я стоял на балконе, наслаждаясь уголком природы, который меня окружал. Думал о том, что если я когда-нибудь решусь переехать из Скатного, и у меня будет чемодан денег, отстрою себе здесь деревянный домишко и проживу остаток своей жизни, наблюдая, как над прудом стоит туман, через который пробивается первый луч солнца. Погруженный в мысли, я не заметил, как ко мне подошел старый мужчина.

– Не побеспокою?

Я сразу распознал в нем зрителя, по совместительству владельца «Ариадны», Владимира. Он был стар разве что цифрой: со своими восьмьюдесятью семью годами он выглядел так же, как и я. Чудеса! Возможно, сказывается климат этого места. Или атмосфера. Скорее всего, и то, и другое.

– Нет, что вы. Присоединяйтесь. Это место все равно принадлежит не мне, а вам, я не вправе запрещать что-либо.

– Так дело не пойдет. – Зритель покачал головой. – Это место *никому* не принадлежит. Просто приглядываю за этим краем, не больше и не меньше.

– Ну, раз вы так считаете... – Я пожал плечами, снова перевел взгляд на озеро. Туман рассеялся, теперь солнце было хорошо видно. Свечение, исходящее от него, однако, не раздражало глаза. Я даже удивился этому. Будто бы ты смотришь не вживую, но на рисованную картину. Вдалеке можно было увидеть тонкие, как казалось отсюда, струйки дыма, исходящие из зеленых гор.

Владимир потянулся, откинув назад руки. Послышался многочисленный хруст крепких костей. Он облокотился на деревянный поручень. Какое—то время мы стояли, молча наблюдая за тем, как шарик медленно перекатывается вверх по небу.

– Да, за такой вид я бы отдал душу Свету.

– Простите, кому? – переспросил я.

– Ну, Свету. Тому, что вдохнул в царство Бездны жизнь и смысл существования. – Владимир усмехнулся и вдумчиво поднял глаза к небу, словно пытаюсь вспомнить очень важную деталь.

– Простите еще раз. – Я вскинул вопросительно бровь. – Быть может, я не совсем понимаю, о чем вы говорите.

– Вы разве не знакомы с историей мироздания, которые проповедуют «хранители», как они себя именуют? Рассказывают истории, в которых есть смысл, как по мне. Конечно, народец он уж очень странный: боится, будто бы кто—то возьмет да и утянет их в собственную же тень. Потому и селится на самых верхушках. – Владимир указал на пару вершин, откуда столбом шел дым. – Вон там пара поселений. Они даже жгут костры днем, представляете? Думают, что отпугивают посланников Бездны.

Подумать только, пугаются собственной же тени! Но прежде всего в голове возникла лишь одна мысль: меня пытаются где-то надурить. Я попробовал понять, в чем именно. Конечно, я прежде слышал истории о том, как возникает мир из рук могучих божеств. Слышал, что Земля не круглая, а плоский блин, который держится на слонах и черепахах. Я предпочитаю идти в ногу с наукой, именно так. И как она скажет, так оно и есть, или будет.

Смотритель повернулся ко мне и поймал на себе оценивающий взгляд. Я даже не заметил, как мое лицо являло собой выражение недоверия. Так что он сразу уловил, о чем я тогда подумал.

– Вы считаете, что я говорю неправду? Как бы не так! – Усмешка пробежала по лицу смотрителя. – Может, я и стар, но я прекрасно знаю, о чем говорю. Если будет на то время, прогуляемся к ближайшему из холмов. Спросим одного из кочевников, как у них дела. Может, они и пугливые, зато дружелюбные.

– С радостью бы согласился, да только нога меня беспокоит уже какой год. Боюсь, высоких холмов я не вытерплю. – Я постучал себя по правой лодыжке. Проклятые лошади! Возможно, не будь бы я такой растяпой, быстро бы сообразил, что к чему. Но теперь ничего не поделаешь.

Тогда же я предложил:

– Если можете, расскажите мне? Я прежде такого не слышал.

Владимир снова поднял глаза к небу. Потом, спустя минуту, взгляд спустился на озеро. И тут началась необычная история, которую один старик рассказывал, а другой внимательно слушал. Быть может, она несколько отличается от той, что знают хранители. Потом, заканчивая, он сам признался:

– Легенда – это вода в прозрачном стакане. Рассказ – та же вода, смешанная с цветными красками. И все же, какого цвета она ни была, вода останется водой, верно?

– Да, думаю, это так, – ответил я. – Главное, чтобы краски не поменяли вкус воды. – Владимир кивнул, и добавил: «Будьте уверены – выпив воды из этого стакана, горечи вы не ощутите».

А начал смотритель рассказ вот с чего...

ЧАСТЬ 1. ИСКУССТВО БЫТЬ ДРУГИМ

Глава 1

– Допшио, пожалуйста, – устало проговорил юноша в куртке, которая была явно ему не по размеру. Она не подчеркивала его фигуру, но это не особо его волновало. Куртка могла укрыть юное тело от проказов природы, не дать замерзнуть. В последнее время погода мало кого радовала. К сожалению, ход природы было не повернуть вспять: летние теплые деньки прошли, и за них придется расплачиваться холодными, осенними.

Молодой человек вскинул голову, подумал. Затем добавил:

– Нет, трипло. Сегодня трипло.

– Двести рублей, мой дорогой, – ответил бариста. – Сегодня придется подождать. Эта штука в последнее время барахлит, побрал бы её черт.

– Не страшно, я никуда не тороплюсь, – пробормотал посетитель, и махнул рукой.

Но дядя Кеша, по-видимому, уже не мог его слышать, поскольку был затянут процессом приготовления кофе. Посетитель глубоко вдохнул, и оперся руками на стол. Ожидание его не тревожило: сейчас он был преисполнен спокойствия. Вероятно, таким обладают люди преклонного возраста – мудрые, познавшие жизнь. Казалось бы, обычно в 18 лет сознание людей не посещают мысли глубже, чем дно наперстка. Однако Рим вечно казался замкнутым в собственном сознании, на котором висел стальной замок, надёжно охраняющий разум подростка от непрошенных гостей. Обычно он не пускал людей в своё личное пространство ближе расстояния вытянутого пальца, так как считал, что это никому не нужно, да и свои раздумья он полагал только его собственностью, и больше ничьей, а значит, он мог распоряжаться ей, как было ему удобно.

Глубоко выдохнув, собственник своего разума перестал смотреть сквозь реальность, убрал руки со стола, машинально сунул кисти в карманы куртки и кинул взгляд на чертовски знакомую для его памяти обстановку. Лампы всё так же горели тусклым жёлтым светом, мебель вроде стульев, угловых диванчиков и столиков, выполненных в одном допотопном стиле, имели всё ту же расстановку. Из колонок, стоявших за стойкой бариста, всё так же раздавался джаз, медленный, умиротворяющий, клонящий запозднившегося посетителя в сон, без слов, какой обычно и играет в подобных заведениях. Колонки хрипели, но не надрывались, издавая звуки. В кафе пахло кленовым сиропом, как он и любил, и этот соблазн постоянно манил, молчаливо предлагая зайти внутрь лишь для того, чтобы еще раз вдохнуть сладкие нотки, хотя юноша не предпочитал подслащать кофе. Рим был редким извращенцем, полагавшим, что напиток необходимо пить в девственном виде, не добавляя туда сахар. Обжигающий дёсны и затуманивающий разум, но оставляющий невероятное впечатление кофе. Впрочем, аромат не растворялся на языке: он проникал вглубь организма и продолжал идти до самого мозга, где ему была конечная остановка.

Узнав в окружающей обстановке место, которое Рим знал уже два года, внимание юноши упало на мужчину сорока двух лет от роду, стоявшего к нему спиной, сторбившегося, трудящегося над очередной порцией напитка. Его руки, крепкие, но длинные непропорционально к короткому телу, то и дело растягивались в стороны, перемещая рычаги кофейной машины. Поверх белой рубашки был аккуратно завязан сюртук, прикрывавший черные джинсы спереди, но не скрывающий их присутствие сзади. В голове у юноши проскочила мысль о том, что дядя Кеша был более похож на столяра или трудовика, нежели на баристу, и легонько ухмыльнулся. «Он всегда так одевается? Выглядит он глупо, ничего не скажешь. Еще и зачем-то начал отпускать волосы».

Нельзя было сказать, что Рим считал дядю Кешу своим лучшим другом, которому он мог бы рассказывать свои тайны (а друзей у Рима было и вправду немного, раз, два и обчелся). Однако ему ничего не стоило порой просто поддержать разговор если не в своих интересах, то хотя бы для приличия: о новостях, происходящих вокруг событий, в чем-то даже поспорить. А иногда и просто промолчать, и он поймет и поддержит это молчание вместе с тобой. Рим знал, что дядя Кеша был тем самым человеком, который смотрел не на человека, а внутрь него, и очень хорошо понимал, расположен ли собеседник к разговору либо нет. Оно и неудивительно: в один из вечеров бариста прямо сказал, что, будучи еще молодым, он окончил институт психоанализа в Норде, располагавшимся в Северных землях. «Там готовят хорошие умы, которые сразу пристраивают к делу, не то, что в этой чертовой дыре. Тут всегда, сколько я помню, как сюда переехал, были плотники и архитекторы, и их продолжают выпускать, как книжки. Попомни мои слова, юноша, и подумай о том, что, однажды, тебе придется покинуть свой дом в поисках лучшей жизни. Правда такая – здесь делать нечего, а парень ты не промах, вроде бы». Он снова улыбнулся, на этот раз более рассеяно, с ноткой сожаления и сочувствия, затаившейся в губах. Рим ответил абсолютно такой же улыбкой, и она выглядела искусственной, но тогда дядя Кеша, к счастью, этого не уловил.

Юноша взглянул на часы. Электронное табло старомодных часов показывало 20:38. «Отлично, – подумал он про себя, – у меня есть ещё куча времени». И действительно: время, которое он мог тратить на себя, начиналось где-то с шести часов вечера, если дела не затягивались к этому времени, и продолжалось до полуночи. И для Рима следующие полтора часа не проходили незаметно: он старался вытягивать своё удовольствие из каждого отрезка времени, каждой секунды. Он не следил за ходом времени, иногда даже не поднимая левой руки и не обнажая запястье, чтобы проинформировать себя. Потому как имел необычное чутьё на его угадывание, будто кто-то внутри него сидел и следил за своими часами, и в случае чего «часовой в голове» давал юноше знать, когда уходить.

Наконец, бариста подал заказ клиенту. От весомой на вид керамической кружки, на которой явно был изображен пейзаж знакомого города, исходил аромат молотых кофейных зёрен. Хотя юноша действительно никуда не торопился, запах, накинувшийся на молодого человека, сломал механизм ожидания. «Спасибо, дядь Кеш», – проговорил Рим, в обе руки приняв кружку, содержимое которой манило и в скором времени перемешает и растворит его вместе с атмосферой вечернего города.

Глава 2

Скатный можно было безоговорочно назвать если не верхом мысли архитектора, который возводил его собственными мозолистыми руками, то, во всяком случае, обладающим обаянием, изюминкой местом в этом мире. В незапамятные времена это был действительно большой и красивый город, располагающийся на уклоне холма и расстилающийся далее по его протяжённой и плоской вершине. Сам холм обладает исполинскими размерами, имеющий с западной стороны продолжительный подъём, а с восточной – резкий обрыв, за которым располагается порт, примыкающий к большой воде. «Авантюрист» по факту фактическим сердцем большого существа с именем города, поскольку в прошлом столетии сюда частенько заходили большегрузные суда. Естественно, приходили они с целью забирать из района, богатого рыбой, нужный им товар, и увозили его на другой конец мира, где рыбные изделия расхватывались крупными компаниями и ресторанами, как горячие пирожки. Это было золотое время, когда маленькое и несуразное поселение выросло в гигантского монстра, который мог постоянно давать деньги в карманы больших людей, основавших порт, и бюджет муниципалитета. Небольшое семя яблока дало дерево высотой с двухэтажный дом за полгода, на котором вырастали плоды размером с человеческую голову. Во времена расцвета, в семидесятых, люди съезжались из соседних городков поменьше и деревень в поисках лучшей жизни, и, наткнувшись на золотую жилу, как пиявки, присасывались к городу. Обучившись ремеслу отлова, они оседали, в результате чего близлежащие деревни быстро опустели и вымерли, поскольку на их месте начинали строить склады либо фабрики. Город набирал невероятные темпы в строительстве и рос, как на дрожжах, как и сам порт. У входа в «Авантюрист» даже сумели пристроить из бронзы статую работника-рыболова высотой 4 метра, державшего в большой правой ладони гарпун и раскинувшего левую в сторону входа, будто приглашая зевак посмотреть краешком глаза на кухню порта, а своих работников – как можно быстрее приступить к каждодневной работе. Статуя широко улыбается во все 32 зуба, лицо смотрит в небо. Металлический плащ, развевавшийся от воображаемого ветра, оттопырился от больших, как колонны, ног. Плотные и кожаные сапоги – атрибут работников моря – будто бы неплотно прилегали к цельной статуе, хотя все же и составляли единое целое композиции.

Со временем рыбный промысел начал приносить меньше дохода, чем обычно, начиная с 90-х годов, поскольку местная популяция не справлялась с гигантским отловом, и впоследствии так и не смогла обуздать силу человеческого вмешательства. Окончательный крест на жизни «Авантюриста» поставил закон, запретивший вылов рыбы в данном районе во избежание экологической катастрофы. Но никто не отменял теневой ловли рыбы – браконьерства, и пока была возможность копать, а точнее, черпать из воды деньги голыми руками, втайне от государственного надзора, некоторые рыбаки продолжали отлов скатного тунца, надеясь на удачу и на то, что никто не схватит их за зад. Не без риска, конечно, поскольку такая деятельность обычно приводила к лишению свободы. Так или иначе, отлов продолжался до тех пор, пока в 10-х годах экологическая экспертиза не постановила о том, что тунец как вид, обитавший здесь долгие тысячелетия, полностью исчез.

Порт утратил былую мощь – теперь он ничем не отличался от других мелких портов, соседствующих с ним в относительной близости. Гигантский штат работников, некогда насчитывавший 5 тысяч человек, постепенно сокращался до 10 вольных между собой надсмотрщиков. Иногда они засекали издали большегрузные корабли и подавали сигнал в случае, если они разворачивались в сторону городка, но обычно игравших в дурака на деньги и пропускавших их мимо ушей, поскольку свободного времени у них было предостаточно, пока со стороны большой воды не протянется раскатистый рев. Остальные же люди были брошены на произвол судьбы, и на протяжении трёх лет бывшие работники перебивались с одного места на другое,

чтобы наскрести денег на покупку буханки хлеба. Большой город медленно умирал, примерно так же, как это делают очень большие звезды в пространстве. Со временем «Авантюрист» ушел из памяти, а впоследствии и с морских карт, поскольку через 100 километров от Скатного находился ещё один город, Авдотьев, удобно располагавшийся на полуострове с портом «Луч». Удобен он был географически: с карты было проще различить вытянутый в плоскости полуостров, образующий бухту, нежели точку «Авантюриста», которая в придачу еще и сливалась с границей суши, а само название порта выводилось очень маленькими буквами. В то время как в одном городке процветал рыбный промысел, в другом медленно, но верно разворачивали производство зернового кофе. Плантации располагались вдали от Авдотьева, но начинающая компания «Коффплекс» смогла организовать надзор за большими участками территории и добиться еще большего расширения. За сравнительно короткие сроки – 5 лет – организация из, казалось бы, молодого и не слишком перспективного предприятия выросла в надежного поставщика спонсора бессонных ночей. Её продукцией интересуются как на Северных землях, где климат не настолько щадящий, по сравнению с Восточной стороной, так и в Южном архипелаге, жители которого являются заядлыми любителями бодрящего напитка. Компания не отмывает баснословных денег, но члены организации получают крепкий и стабильный заработок, в котором они могут быть уверены в долгой перспективе.

Так, постепенно и неожиданно, южная часть побережья Восточной стороны стала на порядок выше уже исчерпавшего себя севера. Часть населения Скатного, потерявшая места в порту и не сумевшая найти себе ремесла лучше рыбной ловли, уткнулась в Авдотьев, где по счастливому стечению обстоятельств были необходимы свободные руки на сбор кофейных зёрен. Жители были согласны на любой заработок, даже на любой вид работы, а освоение дела не вызывало особых затрат и усилий. Постепенно происходило развитие технологии производства, и ручной труд заменился машинным, но трудовой коллектив не потерял работы, а был переквалифицирован на собственные средства, половину из которых компенсировал «Коффплекс». Часть добросовестных трудяг смогла набить себе стаж, достаточный, чтобы работать не на плантациях, а переместиться на производственный объект. Компании всегда были нужны профессиональные руки, и здесь как сами рабочие, так и главные руководители проекта, снова ушли в плюс. Именно грамотный подход к организации производства, а не воля случая, привели компанию к успеху и последующему развитию.

Сейчас Авдотьев является крупнейшим прибрежным городом во всей Восточной стороне. А Скатный, некогда бывший таковым, утратил своё влияние и превратился в опустевший и никому не нужный, но красивый и известный своими строениями городишко, жители которого теперь богато не живут, а, в основном, выполняют ту же работу, что и другие жители тысяч подобных городов. Теперь он стал таким, по сравнению с громадами Авдотьева. Рыбный промысел сместился обычным городским ремеслом, вперемешку с сельским.

Любопытный мальчик Рим в одно время был заинтересован в прошлом Скатного и его изучении, тем более что его семья – отец и мать, оба уроженца города – живут здесь давно. Позже мальчик поймет: они почему-то не стремились рассказывать об ушедшем. Наоборот, скрывали за плотной ширмой нечто, не доступное ни глазу, ни сознанию. Возможно, таким образом, не хотели мириться с тяжелыми временами, ими пережитыми. Или причина состояла в другом. Короче, вопросы, задаваемые Римом, всегда оставались без ответа. Или ответ был один: «Понимаешь, Рим, сейчас прошлое не имеет совершенно никакого значения». Кудряшки, вьющиеся на голове Рима, подпрыгивали, когда он вскидывал голову, чтобы задать вопрос: почему? Родители качали головами. Значило ли это, что они старались не посвящать любопытного мальчика Рима во взрослые реалии? Когда жизнь, бывшая постоянной, ломается в один момент, и сегодня приходится думать о том, что надо делать дальше. Но любопытный на тот момент мальчик был почти уверен на все сто: рано или поздно, он своего добьется. Не имеет значение, когда это произойдет.

«Прошлое есть тайна, покрытая скатертью, через которую ничего не видно». Когда-нибудь, он сорвет эту скатерть и посмотрит, из чего сделан стол...».

«...скатерть?», – проговорил про себя юноша уже не в белой куртке: она в то время висела на крючке у входа. Рим еще мог сопротивляться чарам кофе, так что он ненадолго оставил кружку на столе и переместился к вешалке, где и скинул верхнюю одежду. Черная водолазка обтягивала руки и торс, демонстрируя явно не художавое телосложение.

Крепкое и молодое тело метнулось к кружке еще с большей силой, чем прежде. Теперь Рим вряд ли позволит себе убежать от черной и горькой, но до чего же манящей жидкости. Сегодня, по крайней мере, о скатерти он уже и не вспомнит.

Глава 3

Ухватившись покрепче за нагретую содержимым кружку, Рим сел на своё привычное и любимое место: прямо у окна. Дядя Кеша проводил его взглядом, поправил очки ближе к носу и подальше от усов. Затем он снова повернулся спиной к юноше и нагнулся, чтобы достать блокнот с множественными записями карандашом из тумбы под рабочим столом. Джинсы обтянули ноги и достаточно немаленький зад, при этом не издав ни звука: материал не подвел, по крайней мере, в этот раз.

Как обычно, сквозь окно Рим разглядывал размытые двигающиеся парами огни и застывшие фонари столбов – по какой-то причине стеклопакет постоянно запотевал изнутри, и не было возможности как-то убрать искусственный туман. Однако это не сильно мешало молодому человеку дорисовывать в голове конечные картинку – одни огни были больше, тусклее и ниже, и плавно проплывали мимо. Значит, автобус. Другие были острее, ярче, и пробегали, как марафонцы. Это уже знаки легковых машин. Третьи, возвышающиеся над первыми двумя, вообще не двигались и просто стояли, как истуканы, наказанные, грустно смотрящие вниз. Ну, тут даже дурак угадает в них фонарные столбы. Довольно примитивная, но забавная разминка для ума.

Тут Рим вспомнил, что пришел он в кофейню не только с целью поразвлечься, считая забавные белые, желтые и красные огоньки. Он заглянул вглубь емкости, и с удовольствием ухмыльнулся: визуально дна он не ощутил. Пока что. Вдохнул аромат, который, устав предлагать прильнуть к кружке, уже настаивал на немедленном испитии, и сделал глоток. Рима слегка передернуло: обычно такого большого глотка он не делал. Проступила гусиная кожа сначала на руках от раздражения, а затем рефлекс разошелся ближе к груди от возбуждения. Рим всегда любил ощущение, который давал первый глоток, и, несмотря на излишнее в этот раз начальное количество испитого напитка, все же остался доволен тем, что сделал. Он чувствовал, как обжигающее тепло большей частью довольно быстро проносится сквозь всё его тело, медленно простираясь от горла и доходя до пальцев ног, в конце устремляясь вверх, к голове, пощечивая нервы. Аромат кофе постепенно затмевал разум юноши, и он погрузился в собственные размышления о вечном.

Казалось бы, а о чем, собственно, особо важно приходилось думать восемнадцатилетнему человеку? О грядущей жизни? О его судьбе? О том, что птенцу надо своими силами вылезать из своего гнезда и пытаться взлететь? Или о том, что, скорее всего, о будущем обучении за границей Восточной стороны придется забыть, поскольку на то будет воля родителей, а не его самого? Кто знает? Мир устроен так, что люди не могли копаться в чужих головах. Вероятно, оно и хорошо, что не могут: из корыстных побуждений любой дар может превратиться в пистолет. Не придется даже нажимать на курок и проливать чью-то кровь: достаточно шепнуть на ухо человеку, что ты знаешь, как его зовут, кто он такой и что от него требуется.

Может быть и такое, что он просто смотрел не просто сквозь окно: взгляд пропускал мимо себя и мысли в том числе. Хотя Рим нечасто впадал в прострацию и, если все же это происходило, стремился держать себя в руках, чтобы не провалиться глубоко в себя.

Но можно было быть уверенным в том, о чем Риму думать вовсе не хотелось – о том, что завтра ему было необходимо показывать задание, которое он так и не выполнил в срок. Собственно, он и старался не думать об этом, что неплохо получалось. В остальном же ничто не могло помешать одинокому времяпровождению. Движущихся огней стало заметно меньше: день заканчивался, заканчивались и дела у людей. Поздние, как и Рим, посетители «Уголка» заводили легкий разговор друг с другом, читали книги, местную газету «ПУЗЫРЬ», украдкой улыбаясь, перескакивая из страницы в страницу, словом, занимались вещами, максимально отстраненными от светлых часов дня и родных ближе вечерним. Рим составлял в этой живой

картине особый элемент – молодых людей в «Уголке», естественно, кроме него, было не видеть. В такое время вообще было трудно найти гладкое, местами детское, но в большинстве своем практически сформировавшееся до конца мужское лицо. Остальные же были покрыты морщинами, легкими шрамами нетерпеливой и безжалостной жизни, оружие которой – время.

Наконец, мысли о настоящем вернулись, к сожалению. «На хрен чертёж», – подумал про себя Рим, отпив еще остававшегося на дне кофе. Он, однако, уже пился не в удовольствие. Остывший напиток уже терял свое обаяние и превращался почти что в воду, которую уже приходилось осушать до дна (как никак, дружище, но ты заплатил за неё четверть тысячи рубчиков, и у тебя после этого потянется рука вылить остатки в раковину?). По всей видимости, мысли Рима (а может, и дырявый стеклопакет) подействовали на кружку, как прохладный бриз: кружка покрылась каплями воды, мелкими, но осязаемыми. Влага ощутилась, как только округлую поверхность кружки охватила ладонь, и небольшое раздражение прошло по всей правой руке, слегка поднимая на ней короткие волосы.

Рим сделал крайний глоток кофе из кружки, почти что давясь, словно ребенок, которому дали противное лекарство на ночь глядя. Заглянул на дно в крайний раз: кофейной гущи, на удивление, не осталось, и пара коричневых капель перекатывалась из стороны в сторону движением его рук. Рим хотел было попытаться нарисовать что-то, подчиняя себе их движение, но в итоге получил лишь бледный серый круг, который на тройку частей делили маленькие тонкие полоски такого же цвета, оставшиеся от догоняющих друг друга мокрых точек.

Молодой человек в черной водолазке с черными волосами, наконец, встал и выпрямился. От долгого сидения послышался хруст костей. «Старею», иронично заметил Рим, юноша восемнадцати лет. Серые брюки сидели хорошо и неплотно облегали бедра и икры. Под весом крепенького человека промялись белые кроссовки, слегка вывернутые наружу: Рим немного косолапил, но это можно было понять, только если внимание собеседника падало на обувь во время его ходьбы. Часы на руке поблескивали, поскольку металлический ремешок отражал свет, поступавший от треугольных ламп, нависших над столиками.

Когда он встал, первой вещью, что попала на зеленые глаза после продолжительных посиделок, была газета. Как будто прикованный, Рим принялся рассматривать отпечатанные на дешевой серой бумаге слова, и внезапно лицо тут же скривилось в выражении неприятия и отвращения. Большим кеглем были отштампованы буквы «ПУЗЫРЬ» почти во всю ширину страницы. В мягком знаке – последней букве слова – прятался маленький кружок, нарисованный от руки. Очевидно, являвшийся пузырьком, закравшимся в собственном же написании. В левом верхнем углу курсивом было написано: «№87. Среда, 16 сентября 2020». Чуть ниже, уже меньшими по сравнению с названием газеты буквами, кричал заголовок новости: «ПРОКЛЯТОЕ ЧИСЛО: МЕСТНЫЙ КУПЧИЙ БРОСИЛСЯ ПРЯМО НА ШПАЛЫ 13 РЕЙСА». Ниже приписка, буквы которой на расстоянии уже было трудно разглядеть: «Жена в отчаянии рвет волосы на голове». Ниже приводилась фотография, по-видимому, из семейного архива, где семья в составе четырех человек, двое из которых – дети – первым делом смотрит на читателя, а уже в последующую очередь в объектив. На голове матери, стоящей посередине, волосы еще виднелись. В голове затаился смешок, который не достиг рта. Рим отдавал себе отчет, почему газета вообще так называется. То был не морской «ПУЗЫРЬ», который появляется из глубин океана и далее, кристально чистый, поднимается наружу, тянувшийся к солнцу, где на воздухе его ждала бы не менее красивая и мгновенная смерть. Вовсе нет. Это был мыльный «ПУЗЫРЬ», полной желчи, который раздувался все больше и больше до тех пор, пока не лопался, повсюду разбрасывая зеленые брызги. Желчь обычно не попадала на статьи внутри газеты, но ее большое пятно всегда красовалось на обложке. Люди, купившие газеты, часто не замечали подвоха, а если секрет все же обнаруживался, то со всей силы ударяли себя ладонью по лбу, успев ощутить во рту после прочтения первых строк тот самый едкий привкус, который ни с чем не спутаешь.

Риму вспомнились два случая, связанных с таким заголовком: Георгий Раковский, известный бизнесмен, не местный, как и большинство жителей Скатного, в один прекрасный день, засмотревшись на часы, явно торопясь, но будучи не в состоянии торопить время, действительно нырнул в дыру платформы на вокзале и упал прямо на рельсы. Тогда ему сильно повезло: удар пришелся лишь на плечо, а не на висок (будь он чуть ниже ростом, так оно бы и произошло), так что он пролежал в больнице чуть больше двух недель, не встретившись с деревянным ящиком лицом к лицу. В конце мая, аккуратно после конца учебного года, другу Рима, Евгению, повезло меньше. Поскользнувшись на разлитом на гладкой плитке карамельном сиропе (подошва ботинка, снятого с уцелевшей ноги, пахла жженым сахаром, полагал он), не сумев удержать себя в равновесии, он рухнул на протягивающиеся вдаль толстые металлические полоски. Девятнадцати лет от роду, мальчишка не обладал атлетическим и крепким, быстро восстанавливающимся, как у его отца, телосложением, так что кость на стальных балках повела себя как хрупкое стекло. Рим прекрасно знал, чем начиналась и чем заканчивалась та эпопея, поскольку сам принимал в ней непосредственное участие. По просьбе друга Рим помогал Эвелине по хозяйству и загородному домику – она не захотела переезжать в Северные земли. Эвелина приходилась Женьке матерью, а Георгию женой, но сама себя давно такой не считала. Пока мужская часть семьи лежала в больнице, женская в это время трудилась на поле, не покладая рук. Иногда к Риму присоединялся его отец, пока у того было свободное время. Земля за городом уже была более пригодная, чтобы на ней можно было возвращать кукурузу, картофель и еще пару культур, однако, не бывших для жителей города в дефиците. Решение упертой матери остаться в доме своих родителей, конечно, удивило не только отца и сына, но и жителей городка. Раковские жили на широкую ногу, и никто из членов семьи этого не скрывал, до семейного раскола, разумеется. По улицам Скатного в незапамятные времена разъезжала большая белая «волга», в окнах которой можно было увидеть главу семейства, заглядывающего на часы, и жену, прилично одетую, скрестившую руки на подтянутой груди, постоянно с холодным выражением лица. Где бы ни встречалась Риму мать Женьки, все было так же. Гладкое лицо без эмоций, выглядывающее из молодого тела женщины лет сорока. Возникал предельно логичный вопрос: нравилась ли Эвелине светская жизнь?

Юношу позабавила такая цепочка мыслей. Для него она была чем-то вроде гирлянды, где каждый человек, событие – лампочка, и пока каждая лампочка горит, горит и вся гирлянда. Он тряхнул головой и взглянул на газету, уже не погружаясь во внутренние рассуждения. Дерзкая наглость, выражаемая газетой читателю, казалась не больше, чем насмехательством над людьми, еще живыми и к тому же пребывающими в рассудке. Рим попробовал представить себя на месте заголовка, но буквы лишь смеялись над ним: «ТРОГАТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ: ВСЕМ ПЛЕВАТЬ НА ТО, КАК У ТЕБЯ ДЕЛА». Рим мотнул головой, буквы перескочили на свои места.

Не нужно было иметь семь пядей во лбу, чтобы понять, что в истории, публикуемой под таким заголовком, будет больше выдумки, нежели правды. Естественно, в газетах печатались взрослые сказки, которые взрослым и рассказывались. Но по какой причине? Что стояло за пустословием? Сомнений быть не может – коммерческий расчет. Броские заголовки просто напросто было проще продать. «Какой бред», – пронеслось в голове у Рима. «По всей видимости, вранью не будет и конца. Ложь родилась вместе с человеком, и будет жить, пока он не погибнет. Надеюсь, эта газета загнется раньше, чем наступит конец света». Мысль о том, что когда-нибудь «ПУЗЫРЬ» перестанут совать в почтовые ящики горожанам, одновременно и нравилась, и не нравилась Риму. Нравилась она тем, что люди больше не будут ощущать желчь, остававшуюся на языке от прочтения обложки. Раздел «Происшествия», естественно, автор которого предпочитал оставаться анонимным, сразу бросался в глаза наивному покупателю, и тот, заинтригованный, отдавал за экземпляр 50 рублей, если он не выписывал ее на дом. Не нравилась же она по причине того, что в газете были и другие страницы, на которых,

порой, можно было найти колонку «продам» или «куплю», страницу с анекдотами, старыми, как мир, но вызывавшими ностальгическую улыбку. Был также и раздел «События», где постоянно выбиралась дата из прошедшей недели, и описывалось с ней знаковое событие. Главным образом, описывались моменты истории, происходившие с городком или в мире. А если подходящего праздника не находилось, просто писали: «УЛЫБНИСЬ, ЧИТАТЕЛЬ! С КАЖДЫМ ДНЕМ ЖИТЬ СТАНОВИТСЯ ВСЕ ЛЕГЧЕ!». Рим до конца не мог понять, к чему газета, лицо которой источало едкое зловоние, внутри себя так по-доброму, по-наивному, предлагает ему улыбнуться. В глубине души ему казалось, что это не более, чем фальшь, притворство, чтобы отвлечь читателя от самой сути, лежащей на поверхности, точнее, на самой первой странице «ПУЗЫРЯ». Крупного заголовка, за который хочется поначалу отдать 50 рублей, а затем, ознакомившись с содержимым, смачно подтереться нужной стороной, скомкать и выбросить в мусорную урну, отплеываясь, поклявшись более не брать в руки подобную брехню, а уж тем более и тратить на неё деньги.

Глава 4

Внутренний часовой пропищал, что пора бы возвращаться домой. Рим вскинул руку и развернул табло часов, вглядываясь в электронные цифры. Часы явно показывали ровно десять с двадцатью секундами. «Угу, а время-то уже не детское», – решил для себя молодой человек, и впервые за вечер усмехнулся. Подумать только, время не детское, да и он уже не ребенок, но домой все же стоило возвратиться. Кофе не подействовало, и веки постепенно прибавляли в весе, так что в этот раз вечер не затягивался до положенных одиннадцати тридцати. Стоит признать, что день выдался нелегкий: первую половину дня Рим помогал отцу в погрузке продуктов, оставшееся время он потратил на участке Эвелины, срубая толстые кукурузные початки с массивных стеблей и складывая их в тележку. Размеры початков поражали воображение: год выдался на удивление урожайным. Недостаток сил, брошенных сегодня на физический труд, очевидно, сказывался и на моральном состоянии юноши. Кровь в теле прилиwała к ногам, рукам, ноющим не от боли, а от испытанного перенапряжения, и в итоге до мозга доходило совсем немного. Тем не менее, он был в состоянии здраво рассуждать, по крайней мере, до этих пор. Рим предположил, что, приляг он сейчас на кровать, кровь бы сразу же равномерно растеклась по всему телу, заполняя пробелы, оставленные трудом, в том числе хлынув и в опустевшую черепную коробку. Мысль о кровати, мягкой и пушистой от гусиных перьев, начала манить, все сильнее с каждым разом. Знакомое чувство уже посещало Рима не один десяток раз: надо было отдохнуть, и тогда все пройдет.

Взгляд от газеты отцепился напрочь. Сконцентрировав один остаток сил на удержание кружки, а оставшуюся часть – на ходьбе, молодой человек в куртке не по размеру, словно робот, широкими шагами добрался до кофейной стойки, где дядя Кеша разглядывал в блокноте цифры, смазанные карандашом. Он держал его в руке, и, похоже, был увлечен странной, недавно приобретенной привычкой – им разглаживал волосы, отросшие до плеч и едва их касавшиеся. Сейчас он был больше похож на библиотекаря, нежели на столяра.

– Уже уходишь, мой дорогой? – спросил дядя Кеша, предварительно вскинув брови ко лбу, таким образом, создав на нем три морщины.

– Да, дядь Кеш, что-то я устал за сегодня. Надеюсь, в следующий раз я буду более разговорчив, – пробормотал всухую Рим. По голосу было сразу понятно, что к чему, так что бариста спрятал удивление со своего лица.

– О, обо мне не беспокойся, Рим. Я не заставляю тебя говорить каждый раз, когда ты сюда приходишь, верно? – Он вдумчиво всмотрелся в цифры, начерканные птичьим почерком, почесал карандашом затылок. Вскинул глаза на Рима. – Иди, отдыхай, чего стоишь? Разрешения просить у меня не обязательно.

– А, да, хорошо. Думаю, я начинаю засыпать на месте.

Риму и вправду показалось, что окружающий его мир нереален, и скорее напоминал сон, который можно было осознать. Так что сейчас он решил поторопиться, чтобы не свалиться в беспамятстве где-нибудь посередине дороги, хотя это было маловероятно. Топорные шаги теперь привели его к вешалке, раскинувшей свои черные пальцы. Куртка слетела с петель, и Рим, потягиваясь, стараясь не раздражать побаливающие мышцы, медленно натянул её на себя.

Перед тем, как закрыть дверь и выйти наружу, Рим обернулся и вскинул руку, помахав в сторону стойки. Дядя Кеша, улыбнувшись, кивнул в ответ. Глаза снова упали в блокнот, разглядывая писанину. Дверь зазвенела ветряными колокольцами, и молодой человек скрылся по ту сторону здания, выходя на ночную улицу города.

Город, вопреки ожиданиям Рима, не спал. И не собирался засыпать еще довольно долго, по всей видимости. Люди, не так часто, как днем, но все же проходили туда-сюда, занятые каж-

дый по своему, с пакетами, наполненными то хлебобулочными изделиями, то цветами, то овощами и фруктами. Одни запахи сменяли другие, из-за этого в голове получалась каша, которую было трудно переварить в мозгах, способных думать. Столь позднюю оживленность Рим уже объяснить сам себе был не в состоянии. Ему хотелось спать, только и всего. Поэтому, одернув куртку еще раз, он включил внутри себя режим автопилота, и направился домой, побыстрее в гости к Морфею.

Городской пейзаж по основной сути не особо отличался от «Уголка»: Рим знал, какая картина будет ему обозрима. Его немного удивила погода: несмотря на холодные и ветреные осенние месяцы, подкравшиеся вплотную к остатку летних дней, во внешнем пространстве ощущалось тепло и штиль. «Дорога будет легкой и приятной, мне это нравится». Исключение составлял шум, создаваемый голосами людей, то низкими и басистыми, то высокими и тонкими. Из разных мест доносился то гогот, то крик. Вся эта шумная солянка будет преследовать его до конца дороги, думал Рим, так что бдительность молодой человек не потеряет и не свернет там, где вовсе не надо было сворачивать. В определенном понимании Рим был благодарен этому городскому шуму: сегодня он поможет ему дойти туда, куда он хотел.

Игра, казавшаяся забавной внутри «Уголка», потеряла всякий смысл, поскольку теперь не огни, закрепленные намертво к машинам, плюющимся газом, давали понять, что из себя представляет каждая из них. Легковые, автобусы и фонарные столбы угадывались сходу, но сейчас Риму не было до них большого дела.

Маршрут, соединяющий дом 58 на Мокрой улице и строение 12 на Угловой, почти не менялся. За это время все успело врезаться в память и превратиться в осадок, который нельзя было соскоблить даже острейшим ножом – проще оттяпать часть мозгов вместе с ним. Здесь, на Угловой улице, можно было разглядеть прячущиеся во тьме высокие, удерживающие небосвод фонарные столбы, тянущиеся по всей её длине. В бесплодных, прибрежных землях было трудно растить деревья: приживались только дубы да ясени, и фонарные столбы были альтернативой и так достаточно бедной городской фауне. Оранжевый, бледный свет проливался на дороги во всю мощь, так что на улицах было светло, почти что как днём. Отсюда, прямо от входа «Уголка», металлические, одноногие и одноглазые цапли уходили вверх, вместе с дорогой, вливаясь в улицу Новаторов. Издалека моргал желтый свет светофоров, предупреждавший водителей о том, что через дорогу здесь может прошмыгнуть шальной мальчишка или растяпа-алкоголик с заплетающимися ногами. На обратной стороне улица почти сразу сходилась с дорогой, параллельной улице Новаторов. Побережное шоссе опоясывало город с обрывистой стороны холма, словно удерживая его от того, чтобы мощными ветрами, часто приходящими с западной стороны, Скатный не снесло в морскую воду.

Риму не было дела и до зрелища, знакомому единожды, которое поджидало, перейди он шоссе. Небольшую полоску земли (то была земля?) по ту сторону дороги заполнял лишь тротуар, огороженный с одной стороны отбойниками, дабы машины не посещали территорию пешеходов, а с другой – большими, прозрачными пластиковыми щитами, сквозь которых можно было смотреть на поражающий воображение вид. Обычно ночь в городе, осенняя и ветреная, сопровождалась облаками, плотно застилавшими небо, однако, на удивление, сегодня обстояла другая картина.

На Побережном шоссе было тихо, даже слишком. Здесь городская жизнь умерла на какое-то время: не проносились машины, разрезая воздух, изредка проходили люди, добравшиеся до нужного конца Угловой улицы, чаще умолкая, стараясь не привлекать к себе ненужного внимания. Казалось, будто бы воздух рассредоточился по всему городу и замер в ожидании чуда. А чудо хорошо рассматривалось в пластиковое окно.

Дальше этой осязаемой преграды, выставленной не с пустого места, начинался обрыв холма. Здесь обнажалась кромка поверхности, на которой стоял прибрежный город. В попытках заглянуть чуть глубже этих щитов и рассмотреть, что происходит под холмом, любой про-

хожий потерял бы голову, и кубарем сваливался бы по крутому краю, приземляясь всем телом на острые и тупые камни, удерживаемые глинистой землей, в которой было больше глины. Наблюдать строение холма было удобнее со стороны порта: отсюда он напоминал кусок гигантского торта, оставленный не менее громадными существами, когда-то населявшими этот мир. Торт был однороден – серые камни торчали повсюду, заполняя практически все пространство, прижимаясь друг к другу, точно бесхвостые пингвины, отвернувшиеся от холодных потоков воды, округлив свои спины и уткнув свои носы в сырую, плотную глину. Здесь же, с высоты каменного холма открывался поражающий воображение вид на порт, находившийся поодаль, ближе к северу, где холм спускался, и на Срединное море, тихо посапывающее, то подкрадываясь прямо к основанию, то уходя, показывая смоченную гальку – был прилив. Большая вода вдали неспешно покачивалась от легких морских ветров, к берегу постепенно утихая. Там же высывались из толщи воды буи, соседствующие не так сильно, как камни холма, маячившие красными огоньками. Всю картину можно было хорошо обозреть под мягким, пробегающим по умиротворенной глади светом Луны. А тем временем по левую руку можно было заметить желтые огни «Авантюриста», освещавшие если не всю его территорию, то, по крайней мере, большую его часть. На этой казавшейся издали крошечной акватории возвышались подъемные краны, напоминающие четвероногих пауков, застывшие навечно в ожидании следующего прибытия. Через огромные молы, обнимавшие воду, давно не проходят большегрузные корабли. Пирсы, вытянувшиеся от суши, почти что пустовали. Рядом с одним из них покоился гигантский траулер, а перед ним – буксир с глупым названием «Толстячок». Иногда траулер оставался одиноким, поскольку «Толстячок» уходил в океан, отвозя туристов от берега, дабы те смогли лицезреть красоту прибрежной части Восточной стороны с другой стороны. В остальное же время маленький приятель всегда был вместе с большим другом.

На спящем холме порт и природа были, как на ладони. Не видевшему прежде таких красот зрителю захочется протянуть руку и аккуратно провести по ненарисованному смешанному пейзажу, дабы убедиться в реальности обозримого. И затем рука, касающаяся холодного пластика, медленно опускается, оставляя на нем смазанные линии, оставленные пальцами.

Конечно, от такого умиротворяющего, убаюкивающего пейзажа хотелось спать ещё сильнее, и Рим это понимал. Посему он повернулся спиной к Побережному шоссе, и, не оборачиваясь, боясь попасть в ловушку красоты, зашагал в противоположную сторону, сопровождаемый смотрящими вниз фонарными столбами.

Глава 5

Рим шел быстро, борясь с наступающим чувством сна. Руки просунуты в карманы брюк, в которые слегка запали рукава куртки. Чуть-чуть неуклюжая у ступней, но исправляющаяся к туловищу походка напоминала хождение по углям, не раскаленным докрасна, но все еще горячим, чтобы ощущалось тепло, пощипывающее мягкую кожу ног. Рим часто клевал носом, и с каждым клевком из капюшона, покрывающего голову, вываливались кудрявые, лоснящиеся черные волосы. Каждый шаг то выпрямлял, то сжимал завитки этих пружинок. Лицо поникло и смотрело вниз, так что по пути взгляд был прикован лишь к тротуару, вымощенному вишне-вой плиткой. Порой от Рима то прибывала, то отдалялась его собственная тень, растягиваясь и растворяясь прямо под ногами.

Пару раз Риму приходилось вскидывать поникшую голову, но так, чтобы взгляд захватывал сигналы светофора или мог перекидываться туда-сюда, убедившись в том, что можно перейти дорогу, не боясь, что ночной лихач пронесется, не заметив ночного путника. Окружающая ночная обстановка города не коснулась его разума – спать хотелось больше, чем наблюдать. Время близилось к одиннадцати, и дороги в городе более не были забиты водителями и управляемыми ими машинами. Так и в голове молодого человека уже не проносились мысли. Нет, мозг пока не отключился, но ему требовался отдых, восполнение сил, и все, на что его сейчас хватало, так это на машинальные, лишённые смысла движения ногами и представление дороги к дому 58 на Мокрой улице. Электрические вывески в выходные дни тухли уже к десяти часам. В окнах, укрытых плотной тканью, так же не горел свет, и не различались мужские либо женские силуэты, а возможно, и те и другие, переплетавшиеся между собой и явно не желавшие, чтобы посторонний глаз мог наблюдать за их интимным действием. Сквозь незанавешенные высматривался внутренний, чаще рабочий интерьер: постаревшие от времени офисы, забитые бумагами, рестораны и кафешки с пустующими столами, и так далее. Свет, проливаемый на асфальт сторбившимися фонарями, разбрызгивался на стены многоэтажных расписных домов, не попадая в узкие щели между ними, и не раскрывая сквозь тюль по ту сторону маленьких секрет взрослых людей. Иногда Рим утыкался в стеклянные оболочки, окаймленные крашеным железом, от которых не так давно отправлялись поздние маршрутки. Рядом с одной из таких дымился окуроч сигареты, небрежно брошенный на плитку. Значит, пару минут назад здесь кто—то находился, и, видимо, понял, что ноги отнесут его быстрее туда, куда он хотел добраться.

Рим обошел центральную площадь по дуге и продолжил идти прямо. Здесь, на площади хрупкая, грязная плитка переходила в вылизанную брусчатку, на которой не перегонялись вредными потоками воздуха фантики или бумажки. Фонтан с многочисленными соплами выплевывал воду. Вода шумно приземлялась в бассейн с большой высоты, отчего мелкие миллионные брызги падали на тех, кто приближался чересчур близко. Его ничто не украшало, не делало богаче, разве что куча монет разного номинала, лежащих на дне. «Брось монетку и загадай желание», так ведь говорят? Перед фонтаном стоял еще один памятник: на нем можно было разглядеть низкого, коренастого мужчину лет пятидесяти, в пальто, вытягивающего руку вверх, будто он зазывал тех, кто проходил мимо, на великие подвиги. Головного убора не было, так что виднелась лысина, пусть она и не была во всю поверхность головы. Статуя была безымянной.

По пути к дому Риму предстояло пересечь темный переулок, окрещенный им Мрачным, который был «порталом» от одного отрезка пути до другого – здесь можно было хорошо срезать путь. Тут лампы не горели, и после хорошо просматриваемых ночных улиц городка житель, попадая в пространство впервые, терялся. По бокам стояли дома, уставившиеся друг на друга. Окна подсвечивались желтизной, демонстрируя свою прямоугольную форму. Линии электро-

передач и бельевые веревки, неотличимые, протягивались повсюду, точно паучьи нити. На той стороне переулка, в самом его конце виднелся одинокий фонарный столб. Как обычно, он работал с перебоями: горел минуту, внезапно тух, и спустя ту же минуту снова включался, потускневший, разгораясь с каждой секундой все сильнее. Включаясь, он показывал силуэты машин, находящиеся перед наблюдателем по краям переулка. Они стояли, недвижимые, каждая на своем месте. От одной из них еще можно было уловить автомобильное тепло и запах. Плитка под ногами превратилась в утрамбованную со временем глину, перемешанную со щебнем. Где-то вдалеке был слышен ритмичный стук. Сигналы ночных рейсов поездов с вокзала давали о себе знать.

Преодоление участка потребовало от Рима предельной концентрации. Он широко раскрыл глаза, напрягся, насколько это было возможно, и продолжил ход, мысленно представляя себя уже на той стороне. Конечно, потухший фонарь не был для Рима полной неожиданностью – в голове он подсчитывал секунды для того, чтобы приготовиться удержать в голове минутную обстановку и не споткнуться об камень или впечататься в мусорный бак. «Тридцать три, тридцать четыре, тридцать пять...». Юноша уже считал вслух – любое действие не только не сбивало с толку, но вместе с этим и рассасывало сонную пелену, окутавшую его.

Пятьдесят восемь, пятьдесят девять, шестьдесят. Фонарь вспыхнул, чему Рим так же не удивился. Все так же он одиноко стоял, плачущий, и слезы его света окатывали стены, как и на больших улицах города. На какое-то время неслышный плач прекратился. Потом снова возобновился, и продолжался до тех пор, пока Рим не дошел до конца улочки. Теперь, отсюда до дома, было подать рукой. «Поворачиваешь голову направо, потом два квартала вниз, по Сухой улице, и, не доходя до часовой башни, перебегаешь дорогу, проходишь еще два квартала влево, и вот ты на месте». Да, так оно все и было. Не мог Рим похвастаться тем, что хорошо знает город вдоль и поперек, но вот дорогу до дома он вряд ли забудет. Даже если придется постараться. Быть может, это было возможно проделать с завязанными глазами, и Рим подумал: а зачем ему собственно придется завязывать глаза по пути домой? Не найдя ответа, он отбросил его из головы, этот впервые возникший в пустующей голове вопрос, и направился так, как он вначале себе и представил. Как и всегда представлял.

Глава 6

Когда Рим продвигался к дому 58, будучи уже на Мокрой улице, что-то подсказало ему остановиться. Он повиновался внутреннему голосу, затормозил.

– Что я должен здесь увидеть? Вроде бы Мокрая улица никуда не делась, стоит себе на месте добрую тысячу лет и простоит еще столько же. Или же мне не нужно смотреть? – Да, глаза не могли показать то, что мог сообщить ему нос. В голове давно исчез запах кофе, теперь она пустовала, заполняясь и освобождаясь окружающим воздухом. Но даже отсюда Рим почувал тонкий аромат выпечки. И чего-то еще. Было ли это похоже на запах гари? Да, несомненно. Он им и был. Запах шел из-за поворота на Сухую улицу, которая пересекала Мокрую на том ее конце.

В голову закралась потайная мысль о том, что может гореть за углом. Да, магазин закрыт уже как полтора часа, и все же... Это может быть поджог? Вполне. Возможно, Риму удастся сэкономить немало денег своей семье, если он побежит прямо сейчас к месту и выяснит, что же происходит на самом деле. И действительно: Рим побежал, не теряя лишнего времени.

И вот, он уже на месте. Из рта судорожно доносился пар: воздух был влажным до предела, и с утра все, чего он коснется, будет покрыто тонким слоем воды. Но какое дело было Риму до утренней влаги. Ему не терпелось уже заглянуть за угол и полюбопытствовать, почему пахнет гарью. К тому же, было бы неплохо отдышаться. Он вернул себе полный контроль, и сразу почувствовал ноющую боль, проходящую по ногам. От такой стремительной и, как позже оказалось, лишеной всякого смысла пробежки, уставшие от работы, мышцы напряглись еще раз. Теперь каждый шаг внятно и отчетливо ощущался.

Рим подошел ближе к стене дома 18 Мокрой улицы, прижимаясь к холодному камню, стараясь не обнаружить себя. Да, запах стоял еще сильнее, источник горения точно здесь. Все так же пахло хлебом, вперемешку с подгоревшим запахом. Юноша задержал дыхание на пару секунд. Послышался шорох, падение жестяных банок и кошачий ор, продолжавшийся около минуты. Случайный, пока не дремавший житель дома напротив распахнул окно и крикнул: «Замолчи, божья тварь, ради всего святого!». Божья тварь вроде бы услышала мольбы жителя и перешла на шипение. Рим взвел левую руку к глазам: скоро на табло часов должны были округлиться 6 нулей. Рим будто бы отдал самому себе отчет – ничего страшного не произойдет, если он потратит немного времени лишь для того, чтобы краем глаза взглянуть на то, что происходило. Недовольное бормотание немного смутило юношу, но, тем не менее, удивление перевоплотилось в любопытство. Рим осторожно высунулся из-за угла, изучая Сухую улицу, а затем и вовсе вышел, направившись к источнику звука.

Картина, по большей части, его особо не удивила. На открытом, отгороженном низеньким заборчиком маленьком участке земли стоял домик. Этот домик был знаком не только Риму и его семье, но и людям, проживавшим в этом районе городка. Маленькие аккуратные застекленные окошки, красные стены. Над входом красовалась вывеска «Выпечь-ка!». Странное название, и в то же время очень содержательное. У мамы Рима, Арины, были золотые руки, и если не по всему Скатному, то уж точно по Мокрой улице разносились запахи свежего хлеба, который она пекла и продавала свои законные восемь часов. Не так далеко от магазина стояли в ряд большие железные ящики, в которые люди обычно складывали вещи, больше им не нужные или пришедшие в негодность.

Озабоченная божья тварь стояла, выгнув спину. Кошка тихо взывала и продолжала шипеть на силуэт, копошащийся в мусорном баке поодаль. Она была раздражена: кто-то перешел ей дорогу, или прервал полуночную трапезу. Тощие бока не наполнят сами себя, так что ей было необходимо поесть в самое ближайшее время. И возможно, она бы и не отступилась ни за что в своей кошачьей жизни, если бы позади не раздался человеческий возглас: «Эй!».

Животные инстинкты сработали мгновенно: кошка пулей устремилась в ближайший темный угол, чуть не провалившись в водосток. Теперь из квадратной дыры под тротуаром моргали два желтых маячка.

– Какого дьявола ты здесь творишь? – возглас повторился, уже ближе, поскольку и сам обладатель голоса медленно приближался, ступая прямо по дороге. К этому времени Рим уже отчетливо понимал, в чем дело. Перед мусорными баками стояло железное и ржавое ведро, напиханное всяким барахлом. Из ведра шли струйки дыма, изнутри поверхность озарялась язычками пламени. Судя по всему, горел хлеб (или подогревался) и деревянные. Обладатель ведра уже перестал рыться, уставившись на Рима. Поджигатель оказался обычным бродячим. Лохмотья одежды торчали в разные стороны; будучи высокого роста, по прикидкам метр девяносто пять, издавек он мог вполне сойти за человека-волка. Или снежного человека. Скорее второго, потому как у первого были и зубы, и нечеловеческое лицо, и гигантские загребушие лапы с когтями, а бродячий такими признаками не обладал.

– Эй! – позвал Рим снежного человека. – Ты что, язык проглотил? Ты можешь сказать, что ты...

Тут бродячий понял, что обращались все это время к нему. Выпрямился всем шкафовидным телом, раскинув руки. Один глаз, покрытый бельмом, дернулся, ища путь отступления. Другой, человеческий, широко раскрытый, смотрел на юношу, изучал его, пытался понять, с какими намерениями хотел подобраться этот мальчишка. В голове же творилась всякая суматоха, но одно действие выделялось среди них всех – «бежать». Да, бег явно бы позволил избежать лишних вопросов со стороны незнакомого человека. «Может быть, он и не желает мне зла. Но он мне и не друг». Поэтому, оглядев своим одним шальным зрачком дороги, внезапно вспомнив, откуда он вообще пришел, он предпринял попытку бегства. Во всяком случае, мусора и залежавшейся еды в городе полным-полно. Успеет он еще набить свои карманы и ведро по самые верха.

Рим хотел было отступить, наблюдая за тем, как бродячий медленно спускается с бетонной площадки, а затем начал медленно приближаться. Что он сейчас сделает? Побежит с ревом прямо на него? Или схватится за ведро и зашвырнет его вместе с горящим содержимым на голову Рима? Он пока не знал, но стоял и смотрел. Рим прислушался к внутреннему голосу. Тот молчал, и, скорее всего, даже забился в самый далекий уголок сознания. Хорошо, сейчас он уже не потеряет голову, если что-нибудь случится. Его ничто не отвлечет. Он отреагирует быстро, постарается отреагировать быстро.

Бродячий все же добрался до своего ведра. Встал рядом, взгляделся в дно, поднял его за ручку. И вот, какое-то время спустя, посчитав, что достаточно хорошо рассмотрел Рима, бросился наутек. Юноша остался стоять на том же месте, растерянно вдыхая влажный воздух. Запах горелого хлеба уходил вслед за давшим деру бродячим, а потом и вовсе растворился. Часы (не внутренние) писком сообщили: полночь.

Рима нисколько не удивила такая реакция. Как он понял, и перебежчика, и его самого захлестывали одинаковые настроения, что хорошо. Разглядывая в полчаса ночи встречного спутника, ты можешь ожидать чего угодно, а можешь и не ожидать. Предположим, идет к вам навстречу некто: смотрите на него вскользь и сокращаете расстояние. Вроде бы вас не волнует, кто это, поскольку вы заняты своими делами в голове, а в следующее мгновение уже летите под колеса автобуса, не до конца осознавая случившегося. «Что за...», думаете вы, и вот вы уже не думаете. Страшно представить, ага, но возможно. Другое дело, когда вы не уверены друг в друге, и, по большей части, настороженно проносите мимо друг друга – хороший исход. В точке, когда вы встречаетесь лицами так близко, что можете уловить чужое дыхание, вы всматриваетесь друг другу в глаза. Вы оба немного в испуге, в замешательстве... и просто проходите мимо. Ничего не произошло, так что расслабляетесь и навсегда забываете лицо того, кто пристально вглядывался в вас так же, как и вы в него.

Здесь, на Сухой улице, пересекавшей Мокрую, у домов 15 и 16А, произошло примерно то же самое. Два незнакомца пересеклись путями. Оба были в замешательстве. Оба разминутись, и один из них решил не тянуть время. Однако Рима смутило вот что: в самый последний момент, как только житель улицы дал деру, *что-то произошло*. Что это было? Он помнил? Этого Рим сказать не мог. Хотя...

Да, мелочь, такая незначительная. Когда между вами и еще кем-нибудь метров пятьдесят, трудно что-то различить, особенно глубокой ночью, но там оно было, определено. Такая мелочь, на лице, вроде бородавки или родинки. И тут Рим вспомнил, в голове как будто грянул гром – один глаз отличался от другого. Пока бродячий подходил к своему ведру, заплывший, застеленное око сверкнуло, и не раз. На свету фонарных столбов оно переливалось, как драгоценный камень, и, однако, таковым не было. Нет цены дорогой блестяшке, застрявшей на том месте, где должен быть глаз. Но дело было даже не в том, что он был таким.

Как полагал Рим, самая суть скрывалась в том, видел ли этот глаз что-то. И если он видел, то чем это являлось? В это мгновение Риму показалось, что в глазе пропала пелена, а зрачок расширился так, что глазное яблоко окрасилось в черный цвет. Мгновением позже глаз вернулся к своему обычному, больному виду. А в это время в другом, голубом, затаился испуг (страх?), давящиеся крики которого не дошли до Рима, но, вполне возможно, там, изнутри, они разрывали простенькую душу бродячего. Было ли все так, как представил себе Рим? Не исключено. Так же, как и то, что у него была хорошая фантазия, такая, что могла залить всеми цветами радуги черно-белый рисунок.

Мелочь (глаз, глаз с бельмом) где-то затерялась в памяти.

Точки, светящие из водостока, исчезли на мгновение, затем появились вновь. Из темноты вылезла тощая кошка, оглянулась на поворот, за которым исчез бродячий. На улице стало тихо, два человека исчезли. Ну и славно. Отряхнулась, чихнула, затем важно, вразвалочку, зашагала в сторону мусорных баков. Черная, короткая шерсть переливалась от влаги, собравшейся в щели дороги. Теперь ничто не могло отвлечь кошку от позднего ужина.

Рим еле-еле передвигал ногами, будучи в шаговой близости к подъезду. Кое-как, как заядлый пьяница, переставил ногу на последнюю ступеньку. Вплотную подошел к двери, нащупал в кармане магнитный ключ. Дверь отворилась, неприятный писк домофона прорвался головной болью. Все, что смог уловить Рим в последний момент, так это образы, смазанные ластиком-мозгом: исписанные стены лифта, коридор, в конце которого дверь 4б, диван.

Глава 7

Рим открыл глаза, и первым делом взглянул на металлический браслет. Конечно, тот часовой, что жил внутри, мог подсказать время, пока хозяин не спал. Когда человек засыпал, засыпал и он, не заводя будильников. Риму повезло, что на часах были цифры «семь» и «сорок». Не самое раннее и не чересчур позднее. Как раз то самое, когда он еще успевал на самое начало занятий, предварительно сделав пару гигиенических дел.

Рим встал, потянулся. По телу пробежала ноющая боль от работы, которая должна пройти ближе к середине дня. Сделал для себя два заключения. Первое: он заснул прямо в куртке, не снимая никакой одежды. Второе: в квартире было тихо, следовательно, никого, кроме его самого, не было. В окне, гудящего от утреннего ветра, застыло чистое голубое небо, а солнце не пробивалось со стороны зала. Рим повернулся спиной к чистому небу, направился к выходу из зала, уставленного привычным для гостевой комнаты набором предметов. В углу пылился телевизор. В левую от него сторону тянулась стенка, коричневая, под рыжий цвет обоев. Напротив неё развалился мягкий диван. По обе его стороны стояли такие же мягкие кресла. Уютненький, причудливый мирок. «Ну дела, ты глянь! Где ты прячешь Гербо Мельгинса¹?», как бы сказал старый приятель Рима, попади он прямо сейчас сюда. Но самому юноше было понятно, что зал гремлины, как и остальная квартира, в свое время был придуман и обставлен другим жителем. Вроде как, по словам отца, два владельца назад тут жил пожилой аристократ. Оно и не удивительно – тонкий, сравнительно богатый вкус бросался в зале и утихал, как только кто-либо из зала. В отличие от комнаты родителей и Рима, в парадной гостиной ты чувствуешь себя не просто человеком, а персонажем пьесы, отыгрывающего роль на сцене театра.

Пересекая коридор, Рим толкнул дверь вперед и вошел в свою комнату. Свет ослепил юношу лишь на какое-то мгновение. Чуть позже шторы в комнате сомкнулись, не дойдя друг до друга пары сантиметров. В черный портфель со стола полетели книжки и тетрадки. Выходная одежда Рима за минуту сменилась на учебную: белая рубашка, коричневые брюки с черными, широкими подтяжками. Поверх коричневый костюм, на тон темнее. Он глянул на себя целиком в зеркало, выйдя обратно в коридор. К одежде, на нем присутствующей, вопросов не было. В это время на голове творился бардак – прическа, обычно уложенная, торчащая кудряшками, точно черный одуванчик, превратилось в птичье гнездо, стянувшееся набекрень, вот-вот готовое упасть с макушки дерева. «Дерьмо», – процедил через зубы Рим. «Это никуда не годится». Пара взмахов расческой привели голову юноши в порядок. «Ну, это уже хотя бы что-то. Нет у меня времени копать в своих же волосах». Гнездо исчезло, и его место занял не одуванчик, но черный репей. Немытые волосы клочьями торчали отовсюду, слипшиеся от пота. Голова и то, что на ней находилось, требовала тщательной подготовки, но у Рима ушло время лишь на почистить зубы. Передумал он так же и принять холодный душ: просто умылся.

Собравшись, перевел дух. Взглянул на часы на стене. Самая длинная из стрелок подходила к отметине напротив числа двенадцать, её толстая и неуклюжая сестра ползла к восьмерке. Рим понял: ему пора, и он собрался как раз. Как только мог, быстрее не вышло.

Юноша вышел из квартиры, направился к лифту. По пути встретился с соседом, от которого воняло дымом от сигарет и перегаром. «Здрате», – бросил Рим и кивнул. Видимо, с утра до алкаша происходящее доходило с запозданием, так что ответное «здра-а-а-сте» он протягивал стене, в которую уткнулся, сам того не понимая.

¹ Ввиду некоторой изменчивости мира, некоторые события и названия персонажей произведений, книг, песен, фильмов, видоизменены. Так, имя гремлины Гербо Мельгинса отсылается на Бильбо Бэггинса – персонажа произведений Дж. Р. Р. Толкина, английского поэта и писателя (1892—1973), который является главным героем повести «Хоббит, или туда и обратно».

Железная дверь подъезда, ночью открывавшаяся, словно весившая тонну, в этот раз поддалась, как пушинка. Из-за двери вылетел молодой человек в коричневом костюме с нашивкой «Скатного колледжа» на уровне груди с левой стороны, такой маленькой, что буквы названия учреждения едва различались даже через лупу.

После упадка «Авантюриста» местной власти Скатного было необходимо решить, как вывести город из сложившейся ситуации, хотя и широкого выбора у них особо не было. По сути, всё, что умели жильцы – это заниматься отловом рыбы и строить дома. Весьма красивые дома, не гигантские в ширину и высоту коробки, которые впоследствии забивали людьми для того, чтобы затем вытягивать из них, как кокосовое молоко, деньги. Архитектуре Скатного уделяли особое, трепетное внимание. В определенном плане искусство и душа стояли на первом месте, а уже потом вставал вопрос о финансовой выгоде. Большому городу нужен был достойный вид, и часть усилий и умов, не занятых рыбным промыслом, бросили на возведение массивных конструкций, в которых на контрактные условия заселяли будущих рабочих, и на обычные – приезжих, тех, кто просто хотел тут жить. И теперь, поскольку рыбный промысел сошёл на нет, все силы были брошены на подготовку хороших специалистов. В Скатном до этого был свой колледж, главным образом разнопланового характера, откуда выходили электрики, плотники, станочники, сталевары: люди, хорошо работающие руками. Настал момент, когда городу были нужны работающие головой.

В утреннее солнечное время обаяние городка обострялось как никогда сильнее. В окнах просматривались белокаменные молдинги на таких же белокаменных глянцевых стенах, изящные, с завитками и остроконечными листьями. По углам домов высились не менее красивые колонны, поддерживающие плоскую крышу. Трудно было поверить в то, что перед тобой стоит не произведение искусства, а обычный дом прибрежного городка, и люди приезжали не любоваться его видами, а зайти в него и делать свои бытовые, знакомые каждому жителю любого города дела: приготовить поесть, поспать, почитать бредни «ПУЗЫРЯ». По стенам расходились узоры, выточенные из студня – то был черный камень, обладавший невероятной красотой и текстурой, уходящей вглубь, и глухо переливающейся громадным числом блесков, как звездное небо. Да к тому же еще и дешевый: добывали его в каменоломнях в Западном крае, откуда на разные нужды (его точили под постаменты, фундаменты, на фасады, в том числе, и так далее) расходился во все уголки мира.

Казалось, что каждый дом дышал красотой и был по-своему обаятелен. Возможно, лишь присмотревшись повнимательнее, обнаруживалось следующее – хотя большие здания и стояли, как изваяния, и, казалось, обладали уникальной и неповторимой красотой, со временем рисунок повторялся, и каждая улица была не более чем простой копией одной из них. Это же понимал и Рим, сидевший в автобусе маршрута А, залипший в окно. Как обычно по подобным утрам, он пребывал в ощущении, когда тебя посещает внезапное пробуждение, не менее внезапное бодрствование, а затем все окружающее воспринимается, будто бы через помутневшую пленку. Эта пленка сойдет лишь ближе к обеду.

«Да, красиво, но все так одинаково», – подумал Рим. Он уже засек последовательность: в начале каждой улицы всегда стоит дом с квадратными узорами, потом за ним следует с круглыми, далее с ромбовидными. Простая последовательность замыкалась и вновь начиналась с черных квадратов. Конечно, отдельные мелочи все же различались на разных постройках. Тут, к примеру, на доме 26 Шаровой больше декоративных листьев. А чуть дальше, на Архитектурном проспекте, у входов в дома 16 и 20 стояли колонны, прямо как у Главного театра города. Все это улавливалось юным глазом, что, собственно, неудивительно. В колледже преподавали историю архитектуры Скатного, так что Рим был хорошо осведомлен о стиле и элементах, которые применялись при постройке. Тем более что все сразу начинает бросаться в глаза, как только изучишь предмет и тему с интересом. Старались строить красиво и со вкусом, но быстро.

Рим прикрыл глаза. На какое-то время он попробовал представить себе город сверху. В сознании сразу рисовалась картинка – серый лабиринт с черными ходами и тупичками. В этом лабиринте повсюду туда-сюда снуют разноцветные муравьи – автомобили. Интересно, они запутались в своих ходах? Или думают, что, рано или поздно, они смогут найти выход из этих однородных городских громад? А может, они вовсе так не думают и считают, что вся жизнь – в этом бесконечном, по их мнению, искании? «Это не важно, для меня». Зеленые глаза широко распахнулись, а затем большие зрачки сузились в узкий, круглый, черный бисер. Машина повернула в широкую улицу, и теперь солнце светило прямо в лицо.

Старый автобус подергивался от переключения передачи. Спереди то и дело доносились звуки хруста коробки, а затем недовольные возгласы водителя. На дороге по поведению автобуса скорее был похож на контуженую корову, которая сначала уснула на поле, пробудилась в кромешной тьме, и, не рассчитав своих возможностей, врезалась в дерево в попытках найти дорогу на ферму. От поворотов машину сильно кренило то в одну сторону, то в противоположную. Поездка напоминала американские горки в парках развлечений.

Внезапно Рим метнулся вперед. Вернее, его отбросило в находящееся перед ним сиденье, как и всех находящихся в автобусе пассажиров. Перед тем, как это произошло, по всему салону раздался сильный скрип, а затем басистый продолжительный гудок, который завершился глухим стуком обо что-то. Или кого-то. Дверь водителя открылась, потом с грохотом хлопнула, и усатый мужчина с седой головой, массивно жестикулируя, появился в передних окнах автобуса. Перед ним вырос еще один силуэт, и со стороны Рима казалось, что он был много выше водителя. Торчала лишь самый верх серой шляпы, которую, по обыкновению, в Скатном носили люди с хорошим вкусом в стиле одежды. Рим знал в лицо немногих людей, чей вкус был выше отменного. Он откинулся на спинку сиденья, прикрыв глаза. Отсчитал минуту, две, пять. Взглянул на часы – восемь сорок. Автобус стоял на остановке, но до нужной ему не хватало проехать еще две. Времени было в обрез – дольше ждать не получится. Юноша подался вперед, чтобы разглядеть происходящее.

В глаза сразу бросились два образа – один знакомый и другой незнакомый. Высокорослый мужчина, в лице которого можно было разглядеть больше волос, чем самого лица, довольно эмоционально, с попытками сдержаться то ли от боли, то ли от волнения, что-то пытается объяснить, стоит у обочины, поддерживая ногу. Шляпа, покрывающая лысую голову (да-да, у этого мужчины точно была лысая голова), постоянно покачивается, обнаруживая дурную привычку говорящего. Трость в руке нервно дрожит. Слева от него, с покрасневшим от ярости лицом, орал мужчина, тарабарщины которого нельзя было уловить, а уж тем более разобрать. Усы постоянно шевелились вместе с верхней губой, оттопыривающейся с каждой произнесенной буквой «Р» в словах. Широкие ладони вальсировали с еще более широкими рукавами плаща. Сзади слышались возмущенные речи вроде «Я опаздываю, да сколько уже можно?» и усмешки типа «А что вы хотели? Петька тот еще гонщик и горлан. Пока не выговорится, пароход не поплывет дальше».

Рим открыл окно за ручку, высунул голову наружу, и проорал: «Хватит тратить мое время! Людям нужно по делам разъезжать, а не сидеть на одном месте и ждать, пока кто-нибудь из вас не наговорится». Петька удивленно поднял взгляд на кудрявую голову, торчащую из окна. Свой взор в окно устремил и его собеседник. Рим проорал снова, увидев, что на него обратили внимание:

– Да, я к вам обращаюсь! Вы скоро закончите или нет?

– Не мог бы ты, сопляк, сказать этому хрому псу, чтобы он впредь не перебежал дорогу там, где этого не надо делать?! – съязвил Петька.

– Я уже извинился. Я уже пытался объяснить вам в сотый раз, что не рассчитал маленько... ммм, опаздывал... и вот попал в нелепую ситуацию. Точнее, мы оба, по моей вине, естественно. Мы можем закончить все мирно? – Мужчина в шляпе уже поправлял свой

костюм, смятый от удара. Одергивая рукав, скорчил гримасу, отражающую боль. – Рука болит, но вроде бы не сломал.

– Мне абсолютно без разницы, что ты там сломал, дурак старый! Не знаю тебя, и знать не желаю! – Похоже, что Петька достиг точки кипения. – Кидаешься под колеса ты, а потом отвечать придется мне! Я...

– Боже, вы не могли бы сделать одолжение и заткнуться? Если вы хотите выплеснуть эмоции, делайте это не на незнакомых вам людей, и не на знакомых тоже! Да, я дурак, но подумайте о тех, кого вы сейчас везете, и заткнитесь! Вы их задерживаете! – проревел мужчина, указывая в окно, в котором уже была видна куча лиц, решивших полюбопытствовать, в чем сыр-бор. Рим узнал этот рев, который можно было услышать не чаще раза в полгода. По особым праздникам.

Похоже, что водитель не ожидал такой эмоциональной обратной связи. Тем более что его оборвали на полуслове. На лице ярость сменилась смятением. На круглых щеках, пылавших от ярости, выступил румянец смущения. Петька взглянул в окна автобуса, понял, что происходит. Лица, смотрящие на двух людей, по всей видимости, замерли в ожидании продолжения. Он попытался сказать что-то еще, но не смог подобрать нужных слов. «Ай, ну все, с меня хватит», – и выдохнул. Повернулся к водительской двери и направился к ней. Рим понял, что развязка подходит к концу, потому вернулся на свое место.

– Я могу сесть? Если вы меня не съедите живьем, конечно, – спросил мужчина. В голосе ярости, как и не бывало. Петька промолчал, только лишь махнул рукой в обратном направлении. Трудно сказать, что это значило – «иди на хрен» или «делай что хочешь». Все стало понятно, когда двери все же распахнулись.

Мужчина, аккуратно одетый, но с помятым рукавом и помятой шляпой с правой стороны (видимо, падение пришлось как раз на эту сторону), вошел в салон. Он протянул пятидесятку водителю. Тот резко выдернул бумажную банкноту из мозолистых рук. Никто – ни Петька, ни мужчина, ни Рим и другие пассажиры – не проронил ни слова. Единственное, что присутствовало в гробовой тишине, так это множественные взоры, направленные в сторону виновника торжества. «Смотрите на нас – мы смотрим осуждающе, и только. Мы ничего вам не скажем в лицо, но просверлим вам дырку во лбу над вашими бровями», говорили они. Вскоре, часть из них поникла, а потом и все остальные разбежались кто куда: либо в окно, либо в журнал или книгу, либо себе под ноги. Почему-то никому не хотелось испытать на себе давление, оказываемое наблюдателем, стоящим в самом начале салона. Рим прекрасно понимал, почему: у этого мужчины был действительно тяжелый взгляд, если тот сердился.

В автобусе маршрута А редко можно было увидеть больше двух десятков людей даже по вечерам, после шести, когда рабочая жизнь человека превращается в жизнь без обязательств. Мужчина в костюме проследовал до свободного места рядом с Римом, и присел.

– Здравствуй, Рим, – вежливо представился мужчина в костюме.

– Здравствуйте, Сан Саныч, – вежливо попытался представиться Рим. Не получилось. Похоже, что мужчина, сидящий рядом, нисколько не смутился такому приветствию. Он положил левую руку на колено, где на безымянном пальце красовался серебряный перстень с красным камнем, другой придерживал трость.

Между двумя людьми, пока что еще не знающими друг друга, воцарилось неловкое молчание.

Глава 8

Начинателем Городского колледжа архитектуры и строительства являлся известный в городе и в Северном крае архитектор, Александр Александрович Устинов, или же среди студентов просто Сан Саныч, директором которого он является и по настоящий день. О своем происхождении и истории известно из его маленькой справки, которую сам же и составил. Буклетик с его историей, а также результатами деятельности висит на главной доске колледжа. В 1970 году, в самый подъём городишка, он прибыл по направлению из Уайтстоуна, как он сам поведал, расположенного в относительной близости к Норду. Он лично руководил глобальным проектом реконструкции «Авантюриста», а также принимал проекты по расширению и застройке города. В то время молодой и амбициозный, лет тридцати пяти человек, с невероятно привлекательными чертами лица и синими глазами, в которых можно было утонуть – являлся ходячим магнитом внимания молоденьких девушек, бросающих свои взгляды ему в спину, когда он проходил мимо. Ощущая прикованность взглядов незнакомых цветов, он нередко смущался, при этом понимая, отчего к нему был такой интерес. Во все времена отмечали, что джентльмены, прибывшие из Северного края, были в своем понимании обаятельны и казались статными в сравнении с местным мужичьем. Несмотря на это, в продолжительном личном счастье молодой архитектор никогда не был заинтересован. Он, выражаясь, был буквально пропитан идеями общего блага. В Устинове кипела кровь необычного человека, который был своего рода вдохновителем на подвиги, и пока она кипела, город жил и ширился. Но вот случился кризис, и счастливого конца было не предвидеть. Так и остыла кипящая кровь человека, зазывавшего буквально каждого жителя Скатного брать в руки кирпичи, цементный раствор и свои мозги, для стройки своего будущего. А потом произошел очень странный эпизод из жизни.

В начале 80-х, во время споров с инженерами-проектировщиками касательно удаления из проекта расширения «Авантюриста» причала «Г», Устинов сорвался, разошедшись не на шутку. Он был уверен, что причал, предназначенный для размещения особо крупных грузовых кораблей, прибывавших из Южного архипелага, идеально вписывается в общий план. Нервные дни, мучавшие архитектора на протяжении прошедших трех лет непрерывной работы, вывели из него всю душу, и на рабочем месте у него случился инсульт: он рухнул на пике своих эмоций прямо на землю. Никто обычно не замечал в нём раздражительности, потому новость об инсульте казалась выдумкой в определенной степени.

По своей природе Сан Саныч был спокоен в принятии решений, будто бы знал, что любое его предложение и сказанное им слово будет иметь значительный вес и не останется без внимания. «Вы знаете, я не могу назвать людей, которые могут справляться со всеми своими обязанностями, не подавая виду, так, как это делает Саша. В его руках заплещет любая палка», – рассказывал хороший знакомый Звягинцев Алексей Михайлович, по совместительству тоже являвшийся архитектором, в эфире вечернего радио. «Я помню, он часто мне говорил, что его встреча со мной – это судьба. Не видел он пока по натуре близких ему людей, за что он мне будет до конца жизни признателен. Я был глубоко тронут и даже всплакнул». Его порой называют «левой рукой Устинова», потому как в правой руке всегда был карандаш с насечками, который Саша не отпускал до последнего, пока не закончит чертёж или расчёты. А если находилась работа на обе конечности, карандаш находил себе пристанище за большим ухом архитектора, и уже там дожидался, пока его не возьмут снова. Сан Саныч обладал невероятной усидчивостью, поэтому мог днями не выходить из рабочего кабинета, иногда ведя познавательные беседы, которые были адресованы невидимому приятелю. Часто говорят, что вслух сами с собой говорят или сумасшедшие, или алкоголики, или гении. Никто не решался назвать Устинова спятившим или хотя бы придурком, однажды услышав его гениальные и простые

идеи, а спиртного он никогда не употреблял, полагая его наиболее чудовищным человеческим пороком.

И хотя Сан Саныч обладал странными чертами, в его компетенции никто не смел сомневаться. Человек слова был человеком слова, и он мог реализовать любое решение в невероятно маленькие сроки. Однажды он даже заключил пари с одним иностранным коллегой, графом Ричардом Бруком, что Устинов сможет организовать усадьбу с площадкой для гольфа за два месяца, и если тот справится, то, согласно его предложению, граф пожертвует четверть своих собственных денег на развитие городишка. В противном случае все построенное отойдет графу за так. Ричард, по словам приближенных и знакомых, был скупым человеком, но до смерти любящим азартные игры, поскольку он сам частенько проводил время в казино, играя в покер. Они пожали друг другу руки, а сам договор был заверен личным нотариусом графа. Когда срок уже было подошел к концу, и оставался день до завершения пари, проводной телефон Брука буквально разрывался от входящих звонков. Не вникая в происходящее последний месяц безумие, творившееся на участке (сам граф пребывал в отъезде в Южном архипелаге), Ричард не совсем понимал, о чем шла речь, когда из трубки доносилась фраза, произнесенная явно с большим удовлетворением: «Угадайте, что, мой старый приятель». Граф собрался воочию увидеть произошедшие перемены, войдя кое-как в курс дела, поэтому немедля отправился в свое поместье. От увиденного у него буквально отвисла челюсть. Помимо площадки для гольфа, которая ко времени приезда уже успела обрасти низенькой травкой, перед домом возвышался фонтан с конями и повозкой, территория была аккуратно убрана и вымощена разноцветной плиткой. Удивлению не было предела: на территории вырос бассейн-джакузи, а по всей местности то и дело мраморные статуи разных исторических личностей соседствовали с фонарными столбами. Все блестело и сверкало от красоты и порядка, воцарившегося в усадьбе. Отойдя от оцепенения, граф понял, что никогда он так сильно не проигрывал деньги в покер, как проиграл он их в своей жизни. «Вы страшно сильный человек слова, мистер Александр. Более мне не придется после иметь с вами дел», – резко выразился Брук, отчего Устинов только усмехнулся. «Не зарекайтесь. Судьба это запомнит и подшутит, когда ей будет необходимо».

Вскоре Устинов начал раздумывать о преемниках. Своих детей у него не было – архитектор втягивался в дело, которое он знал и делал лучше всего. Потому Александр вспомнил о средствах, которые граф пожертвовал в его собственный фонд. Узнал, возможно ли провести перепрофилирование преподавательского состава в колледже. Устроить это оказалось не так просто: какая—то часть учителей просто не соглашались с такими переменами, и, разворачиваясь, покидали город. Мало-помалу, уговор за уговором – и все оставшиеся смогли согласиться работать дальше на хороших условиях. Тут пригодились дипломатические навыки Сан Саныча.

В деле преподавания Устинов так же блестяще преуспевал, как и когда—то строил. Колледж оброс своей долей славы, из его стен почти каждый год выходили специалисты, наученные знающей рукой, впоследствии покидавшие городок в поисках лучшей жизни в тот же индустриальный Северный край, но в основном убывавших в Западную сторону, где местные компании испытывали в хороших строителях острую нужду. Некоторые ученики, познавшие суть идеи архитектуры, оставались в университете и преподавали вновь поступавшим студентам предметы. В отдаленном понимании можно было быть уверенным в том, что город будто бы обрел второе дыхание – новый смысл своего существования. Здесь круг замыкался, и, похоже, всех это устраивало.

Глава 9

Молчание между сидящими рядом длилось около минуты. Риму казалось, что он сейчас вот-вот уснет. Потом Сан Саныч начал:

– Черт, целое утро на взводе! Это ж надо было такому случиться!

– Ага, скверное утречко – пробудившись, небрежно протянул Рим. Был ли он готов разговаривать с человеком, которого он знает столько же, сколько дней в неделе? Да, Сан Саныч преподавал у них, но финальный учебный год начался только-только, три недели назад.

– Вы знаете, молодой человек – когда опаздываешь, для тебя перестают существовать видимые и невидимые границы. По большей части спешка – вина всем проблемам.

– Да уж, несетесь через дорогу, сломя голову, не замечая окружающего мира. Вам надо быть повнимательнее, так и лишиться жизни недолго. – Глаза слипались, и меньше всего Риму хотелось, чтобы его кто—либо раздражал. Особенно, заводил разговор. Пусть это даже будет и директор колледжа, в котором он учится.

Сан Саныч удивился такой резкости, но не был ей поражен. В свое время, будучи таким же юношей, он спорил с преподавателями похлеще этого. Но то был не экзамен, а неформальный разговор.

– Вы осуждаете меня? – спросил директор. Тонкая бровь вылезла ко лбу из—под толстой оправы очков. В них сверкнули то ли линзы, то ли глубокие, но неестественно для возраста синие зрачки.

– А, извините, неважно. – Глаза начинали гореть. Рим прикрыл их и потер пальцами руки. – Просто... старайтесь не опаздывать в следующий раз, хорошо? Все знают, что вы довольно уважаемый человек, к тому же, имеете вес в обществе. Потеря вас всем откликнется очень сильно.

– Ну да, я заметил. – Сан Саныч скрестил руки на груди и махнул головой в сторону водителя, который что-то насвистывал себе под нос.

– Я думаю, он просто чудак и не знает, кто вы такой. Сейчас в городке полно приезжих, так что они не понимают и толики того, что здесь происходит. Ну, или же ему совершенно нет до вас дела.

– Не знаю, что из этого правда, молодой человек. Так или иначе, я весьма оскорблен произошедшим. Желания ехать в автобусе с такими хамами нет никакого.

– Мне просто все равно на то, кто он такой. – Рим откинулся на спинку, слегка повернул голову в сторону собеседника. «Держись хотя бы для приличия, держись хотя бы для приличия, держись хотя бы...». Это было сложно, все слова перемешивались и превращались в бесполезный сплав из букв, в котором не было никакого смысла.

– Юноша, вам это просто говорить. Думаю, если бы вас сбил автобус, вы бы думали совершенно иначе. – Сан Саныч снял очки, достал платок. Осторожно протер стекла вместе с дужками и надел их обратно. На какое-то время обнаружили не такие уж и маленькие голубые глаза. – Мне кажется, он уже к завтрашнему дню забудет, что чуть насмерть не задавил, а потом еще и наорал на одного из ведущих архитекторов Восточной стороны. – Пожал плечами. – Бывшего архитектора.

Рим подумал, что он бы никогда не попал бы в подобную ситуацию, даже если торопился бы. «Нет-нет, Сан Саныч, я еще хочу пожить на этом свете. Даже если очень сильно захочу куда-либо попасть и быстро, лучше сделаю это самым, что ни на есть, безопасным способом».

– Да нет же, я его вижу впервые... ну, хотя, может, я не обращал особого внимания на то, что этот человек вообще живет в нашем городе. Всех не запомнишь, понимаете ли. – Рим закрыл глаза. В голове возникла мысль: «Почему мне не должно быть по фигу? Я не знаю. Он

ведет себя так, будто все должны перед ним извиняться только потому, что он известный, или был таковым, но это же не так! Да и какая разница? В конце концов, перед железным бампером все оказываются равны».

– Конечно, понимаю. Но больше на этот автобус я не сяду. Если когда-нибудь я еще раз увижу это лицо...

Но Сан Саныч не успел закончить мысль. Автобус пришел к нужной остановке, и завизжал тормозами. Петька прокричал: «КОЛЛЕДЖ!», и двери открылись. Из автобуса вышли два человека и проследовали до самых дверей заведения. Один молодой, чье сущее желание, вероятно – сладко заснуть, и ничего больше. Другой торопился ввиду того, что опаздывал – старый мужчина, навскидку лет шестидесяти, а может и того больше, опираясь то на левую ногу, то на трость в правой руке, неуклюже переваливаясь с разных точек опоры, как пингвин. Волосы кудрявого парня, неаккуратно уложенные в подобие шара из черных шерстяных ниток, трепались легким ветром. Оба явно торопились.

Стоит ли говорить о том, каким великолепным стал колледж после того, как в его стены ступила нога Сан Саныча? Поскольку до этого здание было выложено из несуразного красного кирпича, выцветшего и потрескавшегося со временем. Деревянные рамы воздействию разрушающей силы не поддались, но тоже потеряли в цвете. Через окна просматривалась искаженная картинка действительности. Открывая парадную дверь, в нос сразу бросался запах бумаг, высыхающих растений и нагретого солнцем паркета. Теперь же с трудом можно было себе вообразить старенькое строение на месте того, что возвышалось на пять этажей ввысь и на пятьдесят метров по каждую сторону от входа. Сан Саныч не пожалел выбить у мэра денег на кровавый гранит, из которого были сложены новые стены колледжа, и на черные металлические рамы. Среди всех зданий на Архитектурном проспекте дом 10 горел красным пламенем, как опавший с кленового дерева и залежавшийся лист. Вернее, как громадная куча таких листьев, опавших с безымянного клена где-то в лесу за городом, поскольку на глинистой и каменной земле вершины холма не росли деревья.

В попытках озеленить городок Сан Саныч так же принимал активное участие. Он лично привез несколько сортов деревьев и травы из Южного архипелага, но даже при должном уходе ни один саженец так и не смог прижиться. На участках земли, перемешанной с глиной, пробивалась сезонная травка, и это была единственная растительность в городе. Позже местными ботаниками было разъяснено и доказано – никакая это не трава вовсе, а вид высокого мха. Непроизносимое название, ими утвержденное, не прижилось, так что местные жители ласково прозвали этот мох «глинкой». Глинка оказалась очень выносливой и торчала повсюду, где были голые участки глинозема. В том числе, она росла и перед колледжем, опоясывая два квадратных фонтана.

Осенняя пора внесла свои коррективы. Под воздействие сентября попала и глина. Белые цвета домов наряду с черными дорогами соседствовали с едкими желтыми и оранжевыми природными красками. Так же и здание колледжа стояло на окружавшей повсюду пожухшей и помягчавшей глинке.

Глава 10

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.